

АЛЕКСЕЙ
МАКЕЕВ
ТРОЕ
ОБРЕЧЕННЫХ

Алексей Викторович Макеев

Трое обреченных

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6896748

Макеев А. В. Трое обреченных : Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-72453-6

Аннотация

Лидия Запольская была осуждена за убийство своего мужа. Ее маленький сын умер в интернате, когда женщина отбывала срок. Жизнь сломана. Но на самом ли деле Лидия – преступница? Частному сыщику Константину Максимову предстоит в этом разобраться. И вот всплывают три личности, которые имеют непосредственное отношение к этой мрачной истории. И эта троица панически боится Лидию. И правильно делает, что боится. Потому что Лидия поклялась мстить. Жестоко и беспощадно.

Содержание

Понедельник, 24 мая. Офис агентства «Профиль»	5
Вторник, 25 мая. Офис агентства «Профиль»	33
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Алексей Макеев

Трое обреченных

*«Если вспомнить, что все мы безумцы,
тайны рассеиваются и жизнь становится вполне
объяснимой».*

Марк Твен

© Макеев А., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Понедельник, 24 мая. Офис агентства «Профиль»

День рождения Вернера в этом году совпал со светлым, радостным и поистине долгожданным событием – выдачей зарплаты. Поэтому решили не скупиться. Рабочий день еще не кончился, когда Олежку Лохматова, снабдив подробными инструкциями, выгнали в магазин, Екатерина взялась за наведение порядка в кабинетах, Любаша – в приемной. Вернер, по случаю даты, занялся любимым битьем баклуш, а Максимов на коленке составлял отчет. Дело об истории грехопадения молодой жены известного предпринимателя по фамилии Незабуд можно было считать законченным. Жене отчаянно не повезло. Оттого и грехопадение. Развязный, необразованный, скользкий тип с завышенным самомнением, безгливостью к окружающим и клинической жадностью – не изменить такому с тремя менеджерами компании было бы просто неумно (и нелогично). Не проводи эта несчастная куколка в отношении агентства «Профиль» показательной акции (с привлечением крепких шкафов небезызвестного авторитета Плаксы), Максимов трижды бы задумался, сообщать ли предпринимателю горькую правду. Но он не любил, когда на него спускают громоздкую мебель, – и не важно, кто это делает: последняя криминальная шваль или фи-

гуристая глазастая чаровница, задавленная собственным супругом, – важен сам факт. В сей связи и поставлена в деле жирная точка. Плакса самоустранился (делать ему больше нечего), предприниматель полностью в курсе, а судьба чаровницы решается в трепетной обстановке – пудовыми кулаками негодующего рогоносца и яростным противоестественным сексом (для начала). «Ну и ду-ура», – резюмировала поведение изменницы Екатерина.

Ровно в шесть отворилась дверь из приемной и, звеня колокольчиком, как корова, вошла совершившая очередную революцию цвета на голове Любочка.

– Не пора ли приступать, господа детективы? Рабочий день, по моим понятиям, закончился.

– Где Лохматов? – На лице погруженного в мечтания Вернера появилась осмысленность.

– В супермаркете, – простодушно объяснила Екатерина.

– Я так и знал. – Физиономия именинника отразила неподдельный трагизм. – Этот тип никогда не умел отличать еду от закуски. Ладно, ждем дальше.

В принципе, Максимову было чем заняться. Да и остальным (исключая Вернера). Специально для бездельника Максимов вставил в плеер диск с утренними криминальными новостями и прибавил звук.

Но испортить настроение удалось не сразу. Снисходительно выслушали – надо же иногда начальству делать приятное. Очередной афромошенник прикинулся консулом государ-

ства Лесото и припал к бизнесмену – надо, дескать, легализовать миллион долларов. Бизнесмен оказался простоватым – клюнул. Избили, покорезжили машину, отобрали энную сумму – исключительно лица коренной славянской национальности. Подросток четырнадцати лет – сорок раз задерживался за мелкие кражи (!) и всякий раз выходил на свободу, по неистребимой глупости забрался в элитный санаторий и хапнул золота на сто тысяч рублей. Тут же вспомнили, что с четырнадцати можно сажать. Очень ярко светит «малолетка» («Мораль сей басни такова, – пробормотала Екатерина, – не лезь к слугам народа, воруй у людей попроще»). Бомжа на пустыре задушили, – облили бензином и подожгли. Опять подростки потешались: нанюхались клея, и потянуло на пиво. А у проходящего мимо бомжа нужной суммы почему-то не оказалось. Мог бы и не жадничать. Отловили банду, промышлявшую на железнодорожном вокзале. Мужчины располагающей наружности подходили к приезжим, предлагали выпить пива, а по мере распития подсыпали азалептин – психотропный препарат, по действию схожий с клофелином, – дожидались, пока клиент отрубится, а после раздевали до исподнего. Инкассаторская машина столкнулась с другой инкассаторской машиной – не сумели разъехаться в огромном городе. «Очередное сращение банковских активов, – тут же съехидничал Вернер. – Обе машины всмятку; где чьи активы – не поймешь». А в завершение выпуска зачем-то показали душеспитательный сюжет на военную тему, как чиновни-

ков областного совета возили на военные сборы – доставили на полигон, дали каждому по пистолету, показали мишень и вежливо попросили выстрелить. Отстрелявшихся горячо поблагодарили, загрузили в машины и увезли обратно.

– Что-то часто стали номенклатуру на стрельбы гонять, – прокомментировал Вернер. – От подданных, что ли, отстреливаться?.. Это еще ладно, коллеги. У меня вот знакомого в марте на двенадцать дней забрили – целую дивизию партизанскую разворачивали. До обеда учили набранный из запасных батальон правильно приветствовать комдива. Отлично звучит: «Надо всем идти на сборы, потому что каждый мужчина должен уметь стрелять». При наших законах об оружии каждый мужчина должен хорошо уметь сидеть, а стрелять в условиях сборов все равно некогда.

– Иисус спасет нас... – без надежды пробормотала Екатерина, переключаясь на сериал «Клон».

– Точно, – оживился Вернер. – С этим призывом в клетку со львами недавно вошел один чудак. Ну, с катушек полетел. Львы, понятно, удивились, а потом как взгрели чудака – будут, мол, тут всякие... Персонал прибежал, вступили в схватку со львами, отбили «проповедника». Теперь живет в психушке, гордится своим высоким призванием...

Очень кстати с двумя пакетами еды и питья появился Олежка и начал выставлять на стол, заваленный деловыми бумагами, приобретения.

– Коньяк, конечно, не купил, – всплеснул руками Вернер

и мгновенно скис.

– А был приказ? – чрезвычайно расстроился Лохматов и просительно уставился на Максимова. Максимов пожал плечами. – Водку купил, – принялся загибать пальцы Олежка, – шампанское для Екатерины Сергеевны купил, газировку купил...

– А голова тебе на что? – спросил Вернер и умчался за коньяком.

В отсутствие именинника извлекли из пакетов продукты, разложили на три горки (основную, вспомогательную и ненужную), раскупорили бутылочку, выпили по чуть-чуть.

– Хорошо-то как, господа... – застонала от удовольствия Екатерина.

– А можно и по шашлычки на выходные съездить, – внес толковое предложение Олежка. – Скоро май кончится, лето наступит. Вы представьте, коллеги – солнечный день, водичка плещется, барашек молодой на вертеле, а в голове – ну, ни одной мысли о работе... Как там у Мандельштама? – Олежка выдержал паузу и с чувством продекламировал:

Человек бывает старым,
А барашек молодым.
И под месяцем поджарым,
С розоватым винным паром
Полетит шашлычный дым...

– Хорошо говоришь, – одобрил Максимов. – Это дело мы

должны всесторонне обдумать и тщательно довести до ума...

В этот насыщенный юмором и релаксацией момент в агентство «Профиль» явился посетитель. Почему его пропустила ответственная за дверь Любаша, остается загадкой. Пожалела сирого? Мужичонка был заметно под градусом. Хлебнул для храбрости. Но храбрости ему от этого не прибавилось. Мялся на пороге, косил затравленным глазом. И в голове у него не все были дома, что и подтвердили дальнейшие события. Пробормотав что-то вроде «здрасьте», посетитель растерянно замолчал. Взлохмаченный, сутулый, изношенный, в глазах – пучина ужаса. Экстерьер ужасный – худой, морщинистый, мешки под глазами. Хотя на вид еще не старый, лет тридцать с небольшим. Руки мнут рубашку, под мышкой – картонная папочка.

– Моя фамилия Пантюшин, – жалобно представился мужичонка, – Николай Иванович...

– Надеюсь, не бомжете? – строго спросил Максимов, перехватывая обращенный к початой бутылке взор.

– О, что вы, конечно, нет... – испугался мужичонка. – У меня квартира на левом берегу – немного тесная, но зато приватизированная... Я фотографом работаю... Заказыки, знаете ли, случайные денежки... Свадьбы, похороны, первые звонки... гм, последние звонки... Могу и вам, если пожелаете, сделать групповое фото... Забесплатно, разумеется.

– Мы не фотогеничные, – ответила за всех Екатерина.

– Особенно по утрам, – добавил Вернер.

– А сюда вас привело... – изобразил многозначительное многоточие Максимов. Фразу о конце трудового дня он уже приготовил к озвучиванию, но решил на всякий случай поддержать за зубами.

– Дела сердечные, – глядя, как картинно берется посетитель за сердце, предположил Лохматов.

– Сердечно-сосудистые, – поправила Екатерина. – Уж поверьте мне как бывалому медику.

Посетитель, казалось, не слышал, о чем шепчутся сотрудники. А может, слышал, но не реагировал. Он отнял трясущуюся руку от сердца, добыл из картонной папки несвежую газету «Московский комсомолец» и бросил перед Максимовым на ворох бумаг.

– Вы обязательно должны найти эту женщину... – забубнил он с визгливыми нотками, шныряя по сторонам воспаленными глазами. – Это не женщина, это исчадие ада... – Правая рука произвольным молитвенным жестом вознеслась к потолку. – Эта женщина меня преследует уже три дня... Она идет за мной по пятам, умело маскируясь, и смотрит на меня, смотрит... Она желает свести меня с ума, я знаю!.. – При этом мужичок ослабил перекошенной дрожащей улыбочкой и погрозил Максиму пальчиком. – Но она меня не проведет, я хитрый, я всегда ношу с собой фотоаппарат, я снял ее, она испугалась, спряталась... Но я знал, что она опять появится, я знал... И она появилась! Я чувствовал, как она смотрит на меня, когда я выходил из дома...

Я чувствовал ее взгляд, от него невозможно спрятаться...

– Ну отчего же, – пробормотал фонареющий от незнания Олежка. – Спрятаться можно от чего угодно, даже от старости.

– Это как? – оживилась Екатерина.

– А вы несмелый человек, батенька, – усмехнулся Максимов. – И косноязычие у вас какое-то поэтическое. Это не вы «Чевенгур» написали? Чем фотографировать женщину, могли бы подойти к ней, поговорить, в случае надобности вызвать полицию.

– Нет! – воскликнул в ужасе Пантюшин. – Разве вы не понимаете, что ей того и нужно? Уж она придумает, что сказать полиции!

Максимов перехватил скорбный взгляд Екатерины.

– Я не хочу с ней разговаривать! – гнал клиническую чушь Пантюшин. – Я не хочу о ней ничего знать, кроме того, где ее можно найти! Найдите ее адрес, прошу вас, умоляю, я заплачу, у меня есть деньги – целых десять тысяч рублей... нет, уже девять – ничего не жалко... Заклинаю вас, откопайте ее адрес, осталось всего четыре дня...

Мужичок внезапно заткнулся – выпучил глаза, как будто кляп проглотил. Максимов со вздохом поднялся и подошел к окну. Суетливый антропогенный пейзаж его обычно успокаивал, настраивал на рабочий лад. Неслись машины, спешили люди... Толпа, оседлавшая кучку лавочек у клуба «Вавилон» – рядом с «Автозапчастями», – могла бы послужить иллю-

страцией к библейскому сюжету – разговаривали на родном языке (русском матерном), но ближнего в упор не понимали. Кто-то от досады размахивал кулаками. Подъехавший наряд вавилоняне тоже не поняли, что, впрочем, не повлияло на результат. Самых громких жертв смешения языков утрамбовали в фургон, повезли к братьям по разуму...

– Ну что ж вы так, гражданин Пантюшин, – повернулся Максимов к посетителю. – Трудно высказать и не высказать? Поясните, пожалуйста.

Пантюшин резко сглотнул.

– Какая женщина? – в упор резанул Максимов. Посетитель задергался.

– Имя, фамилия? Почему ей доставляет удовольствие следить за вами? А еще лучше, Николай Иванович, давайте с самого начала. Любая история имеет свое начало, согласны? В отличие от конца – который имеет далеко не всякая история. А пока мне наша беседа напоминает – уж не обижайтесь – беседу врача с пациентом.

Подобная прямота незваного посетителя в корне не устраивала. Он утер ладонью пот со лба и начал усиленно заикаться:

– Если в-вы н-не верите, п-п-поговорите с М-млечниковым Анатолием Павловичем. Он п-подтвердит, что я г-говую ч-чистую п-правду... Б-будет п-поначалу врать, отнекиваться, юлить, п-потому что с-слабак бесх-характерный, но потом с-сознается, куда он денется? Вы спросите у него,

спросите...

Олежка морщил лоб, пытаясь вспомнить телефон, звонок по которому в данной ситуации стал бы спасением. Екатерина незаметными шажками пятилась к двери. А посетитель потихоньку выходил из состояния клинического бреда. Мутные глаза шныряли по углам. Когда они столкнулись с початой бутылкой водки, муть из глаз исчезла. Пантюшин издал утробный жалобный звук и прокашлялся.

– Налъете? – с надеждой глянул на Максимова.

– Налей, – Максимов сделал знак Олежке, находящемуся в непосредственной близости от сосуда. Русские же люди, неудобно как-то.

Вылебав предложенное, Пантюшин вздрогнул, срыгнул, и в тот же миг случилась разительная перемена. Трясучка кончилась. Он обозрел присутствующих осмысленным взором и тихо ужаснулся – дескать, чего это я делаю? С колен слетела картонная папочка, но он не заметил, подпрыгнул, завертелся в поисках выхода.

– Туда, – услужливо показала Екатерина.

– Извините... – пробормотал посетитель, со страхом покосился на Максимова и быстрее истребителя полетел к двери. Через несколько секунд содрогнулся подъезд – от бешеного топота.

Сыщики переглянулись.

– Странно как-то, – пожал плечами Максимов.

– Да ну его в баню, – отмахнулась Екатерина. – На этой

работе каждый посетитель странный. Мы сами, недалек тот день, станем странными и будем мычать и бляеть. Между прочим, половина седьмого. Вечеринка состоится или перенесем на лучший год?

– Разливаем, – схватился за бутылку Лохматов. – Выпьем за отсутствующего в наших рядах. Чует мое сердце, он скоро придет.

– Не гони, – поморщился Максимов. – Колбаса не чище-на, селедка не резана... Люба, ты уснула? Живо освободить мой стол – он просторный! Отсель и будем грозить трезвому образу жизни!

Любаша послушно обхватила стопки бумаг, потащила к себе в приемную, бормоча на ходу, что, судя по обилию макулатуры, мы живем в Таиланде, где бумагу делают из слоновьего дерьма, а слонов у них – до этой ма... в смысле очень много. Максимов распорядился дальше – резать мясное, чистить рыбное («Да не здесь, Любаша, горе ты наше луковое – в приемной чисти!»). Екатерине – обеспечить стол салфетками, Лохматову – стульями.

Завалился Вернер с коньяком под мышкой – злой и взбодраженный.

– Ты кого-то крепко поколотил, – заподозрил Максимов.

– Шваль городская под ногами путается, – огрызнулся Вернер. – Вхожу в «Крепость», а там очередь. Кто последний, говорю? А мне и отвечают: ты! Остряки, блин. И ржут, как кони в яблоках. В общем, слово за слово... Кстати, ко-

мандир, когда я входил во двор, за мной прокрался джип – зловещий, как моя жизнь. У жильцов в этом доме автотранспорт попроще. Не по нашу ли душу?

Мысль о том, что камеры слежения отключили рановато, не успела улечься в голове. Люди в джипе бегали быстрее Вернера. А главное, тише. Дверь уже неслась, готовая встретить привычный запор, с площадки ее толкнули, мелькнуло лицо, не изуродованное интеллектом, медвежьи плечи – и Вернер быстрее джипа влетел в приемную. Подобного хамства суровая арийская душа вынести не могла. Выдернув коньяк из-под мышки, словно саблю из ножен, Вернер помчался на обидчика. По счастью, напиток не пострадал. Не пострадала и голова агрессора, имеющая тройной запас прочности. Типичный браток – из тех, что применяются в качестве тарана – перехватил руку, швырнул Вернера на Любочкин стол. Сосуд с коньяком красиво нарисовал дугу и утонул в мусорной корзине. На шум из кабинета вырвались сотрудники. Давно не разминались. На полминуты «общественная» приемная превратилась в арену ожесточенной схватки. «Медведь», сверкая лоснящимися полами кожанки, пер ледоколом. Вернер выбыл из рядов защитников – ударился копчиком о край столешницы и подпрыгивал от боли. Олежка черным котом шмыгнул перед «ледоколом» – увильнул от тяжелой оплеухи и вынудил бандюгана открыть правый бок. Подрезал. В него и впечатал Максимов пяткой. Бандит послушно сменил направление и врезался символич-

ным лбом в книжный шкаф – ухнула дубинушка! Стекло задребезжало, но выстояло. Влетел второй – повыше, поживее. Рванул к Максиму, задирая кулак. Но как-то невзначай, изящно и очень так по-женски Екатерина носочком туфельки подтолкнула передвижной журнальный столик (используемый Любочкой строго по назначению – для складирования женских журналов). Идеальный европейский подшипник подтвердил законы кинематики. Ролики развернули конструкцию в нужную сторону, и мирно катящийся столик ловко подрубил атакующего – взмахнув конечностями, бедолага шлепнулся рядом с Вернером, а тот уже не оплошал: схватил бандюгана за шиворот и послал мордой в стену.

У третьего в руке образовался ствол, и драться стало скучно. Судя по решительной физиономии, причин не нажимать на спуск у парня не было. Максимов миролюбиво показал ладони. Вошли еще двое, встали у косяков, заложили руки за спину. С юмором усталились на временно нетрудоспособных коллег. Пострадавшие неуклюже поднимались. Физиономии горящие, ноздри раздувались. У «медведя» лоб располосован, у второго кровь из клюва. Создавалось серьезное опасение, что, если в распахнутую дверь сейчас кто-то не пожалует, раунд повторится. А воевать под прицелом пистолета не совсем здорово.

Постукивая иглообразными шпильками, вошла женщина. Встречаться с подобными экстравагантными особами приходилось не часто. Типичная атаманша. Немного за трид-

цать, стройная, формы приличные. Туфли с убийственно острыми каблучками, плотно обтягивающие бриджи с многочисленными застёжками и кармашками. Широкие бедра, осиная талия, голый пупок, курточка-коротышка на шнурках, образующая обширное декольте и, наконец, чеканный абрис лица, в котором отчетливо видны азиатские мотивы. Тонкие губы, прямой нос, безжалостные черные глаза и волосы, туго стянутые на затылке. Картину завершал тонкий лакированный стек, которым дамочка методично постукивала по ладошке. Как учитель – классной указкой.

Брезгливо выпятив нижнюю губу, дамочка обозрела поле брани, пострадавших клеветов, ошеломленных детективов, застывших под прицелом. Покачала головой и осторожно, словно через лепешку навоза, переступила через груды рассыпанных журналов. Коснулась косяка и с отвращением отдернула руку. Покосилась на стол с недорезанной селедкой, брезгливо поморщилась. Запущенная мезофобия – паническая боязнь микробов.

– Послушай, Мэри... – прохрипел утвердившийся на ногах «медведь». – Дай мы их отделаем по полной программе... Душу вынем из ублюдков...

– Порвем козлов... – сипло вякнул жилистый и принял угрожающую стойку.

– Пшли вон! – резко бросила мадам. – Вояки, мать вашу... Живо в машину, и чтобы духу вашего тут не было!

Угрюмо поглядывая на сыщиков, посрамленные братки

вывалились из агентства. Вперлись еще двое – небитые.

– В кабинет их, – кратко приказала дама.

Сотрудников затолкали в соседнее помещение. Выразить решительный протест, очевидно, было поздно. Толку-то? Не эти порвут, так другие.

Покачивая бедрами, дама неторопливо прохаживалась по кабинету. Провела «указкой» по батарее. Поворошила накопечником горку продуктов на столе, постучала по початой бутылке, затем – по соседним, нераскрытым. У первой звук получился музыкальнее.

– Ладно, – вышла из задумчивости дама. – Не будем тянуть мертвого за хвост. – Внимательные глазки смерили Максимова с ног до головы. – Полагаю, вы догадываетесь, зачем мы здесь.

– Вы от Плаксы, мадам? – хмуро поинтересовался Максимов. Нелогично, глупо, возмутительно – да и дело супруги коммерсанта Незабуда победно завершено, поставлена жирная точка, и какой смысл махать руками после драки?

Недоуменный взлет общипанных бровей подсказал, что Плакса не в теме.

– Плакса? – недоуменно переспросила дама. И рассмеялась каким-то хищным, чреватым смехом, от которого мгновенно захотелось заткнуть уши, а еще лучше куда-нибудь провалиться.

– Плакса, – повторила дама, прервав смех. Блестящие холодной красотой глаза сузились в щелки. – Большое, беспро-

будное чмо, которому давно пора на зону или на кладбище. Нет, любезный, не имею с упомянутым господином общих дел. А почему вы спросили?

– Наверяло, – пробормотал Максимов. Он украдкой покопался на сотрудников. Вернер, потирая отбитое место, подал глазами атаманшу («Простим, – подумал Максимов. – У него сегодня день рождения»). Олежка выглядел растерянным и совсем не думал это скрывать – не часто среди белого дня на агентство «Профиль» случаются налеты. Екатерина с равнодушным видом выцарапывала скрепкой из-под ногтей воображаемую грязь. Любочка умудрилась слиться с контуром Олежки и визуально не просматривалась. Однако, оставаясь невидимой, издавала утробное кошачье урчание – очевидно, получала удовольствие.

– Короче, – сказала дама, постучав золотым перстнем с тигровым агатом по компьютеру. – Десять минут назад из вашего офиса вышел мужчина. Дохлый, тощий, трясущийся. Что он вам принес?

– Смотри-ка, Мэри. – Один из бугаев присел на корточки и поднял с пола картонную папочку – ту самую, что забыл посетитель. – Гадом буду, твой баклан с этим дерьмом прибыл. Под мышкой держал, я видел...

– Дай сюда. – Атаманша вырвала папочку, раскрыла, а убедившись, что внутри пусто, очень недобро посмотрела на Максимова. – Ну-с, господа детективы, повторяю вопрос: что принес вам тощий, дохлый и трясущийся господин?

– Послушайте, мадам, – вежливо начал Максимов, – мы, конечно, понимаем, что перевес на вашей стороне... исключительно благодаря огнестрельному оружию.

– А не то отхреначили бы вас до синевы, – буркнул злой и оскорбленный Вернер. – А потом ментам сдали – ох и любят в нашем отделении братву валтузить...

– Че ты вякнул, козел?! – взметнулся страдающий косоглазием браток. Обшарпанный «макаров» (возможно, что и газовый – на нем не написано) задержался в опасной близости от физиономии.

– Ты фокус наведи, братишка, – гаркнул Вернер. – А то в своих пальнешь.

Братва, предчувствуя развлечение, сомкнула круг. Притихла почему-то Любаша. Екатерина на всякий пожарный сместила центр тяжести на левую ногу и вопросительно глянула на Максимова: не пора ли?

Подставлять своих людей под реальную опасность он решался только в крайних случаях. Едва ли текущее недоразумение попадало в категорию экстрима.

– Но я не это хотел сказать, – продолжал Максимов. – Хотя коллега, в сущности, прав. Довольно на сегодня рукоприкладства. Позвольте пожелание, уважаемая Мэри или как вас там – нельзя ли поконкретнее и повнятнее изложить цель визита?

– И катитесь к той-то матери... – нарывался Вернер.

Видок у атаманши напоминал физиономию командира

орудийного расчета за мгновение до вопля «Пли!».

– Стоп, – сказал благоразумный Лохматов. – Начнем с того, что приходил какой-то ненормальный алкаш. Бормотал околесицу, из коей явствовало, что его преследует загадочная женщина, отравляет жизнь и качественно портит пейзаж. Требовал адрес дамы. Какой именно дамы и где мы ее найдем, не зная про эту даму ровным счетом ничего, господина не волновало. Типичная мания преследования. Потом господин попросил выпить. Ему налили. Выпив, господин чудесным образом преобразился и сорвался с места. Папку выронил. Информации – ноль. Время неурочное – нам плевать на сумасшедшего и на вас, собственно, тоже. Есть вопросы, господа?

– И катитесь, прямо скажем, на хрен, – буркнул Вернер.

Максимов пожал плечами и признал, что вариант не самый пропавший. Когда не знаешь, что сказать, можно в качестве разнообразия сказать правду.

В глазах экстравагантной дамы что-то резко поменялось. Не из глупых дамочка, – сообразил Максимов. Понимает, где врут, а где используют так называемую правду. Но вера – штука хрупкая, и опираться на нее в серьезном деле – так же смешно, как доверяться деловым партнерам. Иные методы нужны, помимо интуиции. Так и вышло.

Особа обрела предельно зловещий вид. Вздрогнул Вернер – не начинается ли обучение манерам?

– Приступайте, – поворотилась дама к эскорту и небреж-

но махнула указкой. Максимова охватил нешуточный ужас. Во что превратится уютный и опрятный офис, он уже представлял.

– Минуточку, – пытался он предотвратить трагедию. – Вы уверены, мадам, что отдаете полный отчет...

– Заткнись! – рявкнула дама. И в этот самый миг она была настолько злобной и возбужденной, исполненной какой-то непотребной, негативной, демонической красоты, вся на взводе, опасная, безумная, готовая отдать приказ стрелять во все стороны, что ни у кого, даже у Вернера, не хватило духу выразить справедливый протест.

Пять минут спустя контора приобрела такой вид, словно над ней усердно потрудились ураган. Громилы провели тотальный шмон. Работали бесцеремонно, с кропотливой методичностью. Все, что могло оказаться на полу, там и оказалось – истерзанное, распотрошенное. Столы и книжные шкафы вывернули наизнанку. Перетрясли тумбочки. Разворошили землю в цветочных горшках. Облапали шторы. Сунули нос во все деки, дисководы и кассетоприемники. Обстучали паркет. Едва не оборвали люстру. С каким-то садистским удовольствием рылись в бумагах, швыряя просмотренное на пол. В приемной выдернули из канцелярского стола забитые ящики и, злорадно ухмыляясь, перевернули. Сгребли со стола груды бумаг, доставленные Любочкой из кабинета, и хорошенько по ним потоптались. Порылись под батареями, свернули подоконник. Осквернили гардеробную. В

финале всех мужчин поставили к стене и хорошенько обшарили. Затем поставили женщин, и атаманша прошла с «указкой», доведя Любочку до полуобморока, а Екатерину – до белого каления. Углубленный шмон проводить не стала – очевидно, искомое обладало не столь незначительными массой и габаритами.

– Осталось только расстрелять, – пошутил один из участников шмона.

– Ну что ж, – задумчиво поигрывая стеклом, заявила атаманша. – Возможно, вы не врете и человек, нанесший вам визит, действительно ничего не приносил. Ваше счастье, если это так. Но если это не так, – дама перестала баловаться указкой и пристально воззрилась на Максимова, – значит, кто-то об этом крупно пожалеет...

Фраза осталась недосказанной. Люди в коротких куртках прекратили бесполезную возню и, повинувшись бессловесной команде, покинули разгромленный офис. Последней уходила атаманша. Переступила опрокинутую подставку для одежды, одарила Максимова пронизывающим взглядом и удалилась.

Впору вместо дня рождения объявлять субботник.

– М-да, – задумчиво пробормотал Вернер. – Хороша у Мэри поппинс...

– Это все, чем ты можешь прокомментировать последние события? – ядовито осведомился Максимов.

– А я сегодня не работаю, – парировал Вернер. – У меня сегодня день рождения.

– Точно, – хлопнул по лбу Максимов. – Мы совсем забыли, что у тебя сегодня день рождения. Поздравляем, Шура. От всех нас, – Максимов вырыл из груди разбросанных бумаг объемистый, красочно оформленный талмуд и протянул слегка опешившему Вернеру. – «Справочник необходимых знаний». На все случаи жизни.

– А на все ли? – усомнился Вернер, прикидывая на вес полиграфическое изделие.

– Абсолютно, – прошептал Олежка. – Как в домашних условиях изготовить взрывчатку, чем кормить свинью, подробный план подземелий Аджимушкая...

– Отлично, – неуверенно сказал Вернер. – Большое спасибо.

– Боже мой, – потрясенно бормотала, озирая разгром в офисе, Любочка. – Это сколько же здесь работы...

– Форменное Б, – согласился Вернер. – Враги сожгли родную хату, посева разорены. До утра, я думаю, справимся.

– Не пора ли нам подумать, кто виноват и что с ним делать? – Максимов сурово уставился на Вернера, явившегося, по сути, косвенным виновником трагедии.

– Опять я, – всплеснул руками Вернер. – У меня глаза на затылке, да? Будет вам известно, коллеги, что по окончании рабочего дня мои мысли направлены куда угодно, но только не в сторону работы, а уж если этот день из тех, что случа-

ются только раз в году...

– Никогда не поздно учиться, – миролюбиво вздохнула Екатерина.

– Но кому-то – бесполезно, – отрезал Максимов. – Ладно, с виновным определились, давайте решать с рабочими руками.

– А вы заметили, коллеги, что тварь, командовавшая парадом, была сильно испугана? – проницательно заметила Екатерина. – Рисовала из себя эдакую бой-бабу, а саму просто тошнило от страха.

– Из-за вшивого Пантюшина? – недоверчиво хмыкнул Максимов. – Впрочем, случаются в жизни загадки. Лично мне гадкая физиономия мадам ни о чем не говорит. Полагаю, вам также – иначе давно бы разговорились.

Вернер раздраженно махнул рукой.

– В этом городе полтора миллиона жителей – это раз. Не такая уж она и гадкая – это два. Дама не приезжая – на джипе местные номера – это три. Пробить крутую бизнесвумен с предположительным именем Мария ты, Константин Андреевич, сможешь за три часа. А я – за два.

– Пробивай, – разрешил Максимов. – Но лучше утром.

– А ведь самое смешное, коллеги, – вышел из задумчивости Лохматов, – что алкаш по фамилии Пантюшин нам что-то принес. А эти уроды – не нашли. А вы – и ухом не ведете.

Немая сцена затянулась. Максимов сглотнул и начал ози-

раться. Екатерина задумчиво разглядывала покосившуюся люстру. Вернер выглянул в приемную.

– Не может быть, – тягучим шепотом произнесла Любочка. – Эти уроды обшарили буквально все...

– Не совсем, – загадочно улыбнулся Олежка. – Проверка на профпригодность, коллеги.

Дырявая память осветилась – лихорадочные приготовления к празднику, тусклый мужичонка с папочкой под мышкой, садится на стул протертыми штанами, раскрывает папочку...

– За мной, – приказал Максимов, раскрывая дверь в приемную. – И берите пример с Лохматова, бездельники. Вот из кого вырастет достойная замена вашему начальнику...

В приемной царил кавардак, словно хорошо погуляла казачья стая. Бумаги с Любочкиного стола сметены на пол, органайзер перевернут, принтер завис над пропастью, грозя обрушиться от неверного движения. Единственное, что сохранилось в неприкосновенности, – газетка «Московский комсомолец», на которой в момент налета Любаша чистила селедку. Видок у прессы был, конечно, неважный. Кровь, кишки, вскрытая по брюху рыбина с вопросительными глазами... Пятеро взрослых людей, окруживших стол и тупо гипнотизирующих дохлую селедку – со стороны смотрелись, конечно, клинически. Но головы работали. Любаша свистнула газетку со стопки документов и использовала по назначению. А стопку недавно принесла с максимовского стола (по-

скольку был соответствующий приказ) и водрузила на свой. А значительно раньше сидящий напротив Максимова Пантюшин выудил из папки несвежую газетку и со словами «Вы должны найти мне эту женщину!» – бросил на ворох бумаг...

– Ага, сейчас мы ее почитаем... – забормотал Максимов, приподнимая грязный уголок. Любопытные «варвары» вытянули шеи. Из сложенного вдвое «Комсомольца» на белый свет явилась пара цветных фотографий. Держа находку двумя пальчиками, словно тарантула, Максимов протащил ее по воздуху и бросил на не изгаженный участок стола.

– Это женщина, которая, по мнению Пантюшина, его преследует, – торжественно объявил Максимов.

– Она не похожа на бред воспаленного воображения, – заметила Екатерина.

– А на хищницу по имени Мэри – тем более, – похвастался наблюдательностью Вернер.

Особа в черных очках, бесформенных невнятных одеждах и с плотно уложенными волосами собиралась выйти из-за елочки, когда сработал затвор. Нечеткий худощавый профиль, рука, сжимающая ремешок простенькой сумочки. Другая фотография сделана спустя секунду. Профиль превратился в анфас, очертились выступающие скулы, безупречный нос, глубокие морщинки в уголках рта, дешевенькое кольцо из галантерейной лавки... Женщина вышла из-за елочки и сразу обнаружила, что в нее «стреляют». Брови, частично выступающие над очками, свелись в одну линию.

Женщина хмурилась. Ей это не нравилось.

– Замечательно, – ядовито процедил Вернер. – Куда ни плюнь – везде любимый женский пол. Мы обхитрили целую банду недоумков и жгучую красотку-атаманшу. Объясните только, зачем? На кой ляд нам это надо?! И что нам делать с днем рождения?

Обида за несостоявшееся празднество уже рвалась из груди. Ситуация требовала немедленного разрешения.

– В общем, так, – строго распорядился Максимов. – Плакать и рвать последние волосы мы не будем. Разберемся позднее. Никакой полиции – похихикать можно и самим. Представляю, как обрадуются в районке. Суший позор на мою дурную голову – подставиться под криминальный шмон! Даю установку – полчаса на наведение порядка – всем гуртом и не стонать – и живо за стол, пока водка не закипела! Забыли, что мы тут не просто так страдаем?

– Слова мужа, – одобрил Вернер. – Умница ты наш, Константин Андреевич...

Он приполз домой в двенадцатом часу ночи, усталый, пьяный, как бригада грузчиков. Провожали Екатерину, а потом, надеясь достойно завершить вечер, притормозили у двери с надписью «Круглосуточно», которая почему-то не желала поддаваться. И колотились в нее аккурат до приезда патрульной машины. «Все нормально, мужики, – объяснил протрезвевший Вернер высунувшемуся сержанту. – Дежур-

ный охранник любит продавщицу, им некогда. Охотно подождем». Патрульных разобрало любопытство, они вышли из машины и тоже принялись долбиться в запертую дверь. Вылез перепуганный охранник в расстегнутой униформе. В отделе продавщица судорожно подтягивала бретельку от бюстгалтера. «А ведь и впрямь, гляди-ка», – удивлялся рядовой патрульно-постовой службы – выходец из отдаленного степного села. «Есть еще женщины в русских киосках», – соглашался сержант. Несомненным плюсом явилось то, что никто не пострадал. Патруль отоварился по «льготному тарифу», сел в машину и укатил нести опасную и трудную службу. Детективы взяли, чего хотели. Выходя последним, Максимов слышал, как за спиной захлопнулась дверь – видимо, ночные работники недоделали чего-то важного...

При виде мужчины, держащегося за перила, Маринка не поверила глазам.

– Ну, ты и дал дури, папахен... – прошептала она с восхищением. – Знаешь, у тебя такой вид, словно ты не прочь из последних сил обнять все человечество!

– А что? – оживился Максимов. – Это, между прочим, цитата... Погоди, сейчас вспомню... – Покачался, вспоминая. – «Мне хотелось бы обнять все человечество, поделиться с ним своей любовью, согреть его и отмыть от скверны современной жизни...» А знаешь, кто сказал?

– Не знаю, пап, – растерялась Маринка. – Индира Ганди, наверное. Или этот, как его... Мартин Лютер Кинг.

– Не-е, – оскалился Максимов, – Феликс Эдмундович Дзержинский – великий гуманист ушедшей эпохи. В квартиру-топустишь родного отца?

В вопросе кулинарии Маринка в этот вечер не напрягалась, резонно полагая, что если отец и придет, то не голодный. Максимов для порядка заглянул в холодильник, сделал попытку почистить зубы – однако обнаружил сразу несколько труднодоступных мест, бросил это дело – включил зачём-то телевизор. Конкурсы веселых и надоевших, сериалы, полуночное ток-шоу о влиянии и значении метросексуалов. Хронический президент толкает что-то эпохальное.

– Нет, – пробормотал Максимов. – В люлю, только в люлю... На работу с утра пораньше – ВВП удваивать...

Бормоча под нос: «О, где же ты, моя верная четвероногая подруга?», добрал до спальни, перевалил приступочку – как машины переваливают «лежачих полицейских», на ощупь отыскал кровать. Когда Маринка решила поинтересоваться состоянием папы и робко заглянула в спальню, Максимов сидел на кровати, качаясь, как неваляшка, и со словами «Брюки превращаются... превращаются брюки...» безуспешно дергал молнию на штанах.

– Привет, – помахал он смазанным очертаниям Маринки. – Как дела?

Вздохнув с покорной обреченностью, она устроилась у папы в ногах и приступила к удалению брюк.

– А ведь скоро лето, папа, – сказала Маринка как-то роб-

ко. – Каникулы заслуженные. Отпустишь в спортивный лагерь? Сейчас модно заниматься спортом. Пацаны спорят – какой вид спорта лучше выбрать? Дебилдинг... в смысле, бодибилдинг, маунтин-байкинг, роллер-блейдинг, фри-дайвинг?.. Слышал о таких?

– Не-а... – Максимов рухнул поперек кровати. Глаза закрылись. – Я знаю лишь один вид спорта, Мариша – NOTHING DOING... Усиленно рекомендую. Другого ты все равно не осилишь – терпения не хватит... Да и мне не трястись за сохранность твоей шеи...

Вторник, 25 мая. Офис агентства «Профиль»

На работе с раннего утра было гадко и неудобно. Гуляли сквозняки. По унылым помещениям, где с вечера на скорую руку сотворили видимость порядка, бродили похмельные сотрудники и со стоном приводили офис в божий вид. Олежка Лохматов таскал за собой бутылку минералки, уровень которой стремительно падал. Екатерина искренне недоумевала, почему не может быть хорошо просто так – а только за счет чего-то: в частности, вчера было хорошо за счет сегодняшнего утра. Любаша – с лицом, как перед расстрелом, стояла на коленях и с методичностью робота-манипулятора перекладывала бумажки. Вернер опоздал – на сорок две минуты, пятнадцать секунд. Но виноватой физиономия не выглядела.

– Улица Фабричная вымыта пивом, коллеги, – объявил он с неуместной торжественностью и пафосом. – «Газель» хлопбыстнула в грузовик, груженный «Крюгером». Пострадавших нет, но ситуация, что ни говори, трагичная.

Коллеги с неприязнью покосились на опоздавшего.

– А мы любили его, как отца, сына и святого духа, – вздохнула Екатерина.

– Ну, подумаешь, опоздал, – рассердился Вернер. – Меня

вчера, к вашему сведению, менты таки прибрали. У родного подъезда – уже руку протягивал, чтобы дверь открыть – а они и выходят. Опера, пэпээсники, штатские... Соседа по площадке тащат – беда к соседу пришла с понятами. Доворовался, гад. Я и говорю ему: «Здрасьте, мол, Савелий Сидорович, неплохая ночка? А утро-то какое будет...» – А те, не разбираясь – и меня – в воронок с горизонтальной загрузкой... Потом, правда, отпустили, разобрались, опера еще извинились, но пэпээсники трягнули качественно. Денег пропало – пятьсот рублей, пачка презервативов, шарики из кремния. Умеют же обыскивать, фокусники – не подкопаешься. А что, говорят, мы не брали, не было у вас никаких пятисот рублей...

– «Справочник необходимых знаний» не пропал? – забеспокоился Максимов.

– Нет, на месте знания, – успокоил Вернер. – Ментам не надо – они и так все знают.

Закончив чаепитие с крохотными сдобными печенюшками (Лохматов презрительно называл их «пищевыми добавками»), сгрузили посуду Любаше, и Максимов строго обозрел подчиненных. Проверку похмельем с горем пополам одолели.

– Итак, трудоголики вы мои недоделанные, не пора ли заняться делом?

– Работы нет, – насторожился Вернер. – Незабуд уже рассчитался.

– А чего нам это стоило, – пробормотал Лохматов.

– Очень хорошо, – злорадно улыбнулся Максимов. – Пока отсутствует толковая работа, займемся мелочовкой. – Он выбросил на стол фотографии незнакомки, произведенные Пантюшиным. – Сколько этот гриб сушеный предлагал нам за работу?

– Десять тысяч, – вспомнил Лохматов.

– Девять, – поправила Екатерина, – рублей. Этот гриб сушеный, как верно выразился Константин Андреевич, вспомнил, что десяти у него уже нет. А ты что, Костик, серьезно?.. – Екатерина замолчала, недоуменно захлопав пушистыми ресницами.

– Не люблю, когда из меня делают тварь бессловесную, – объяснил Максимов. – В деле существует интрига – это возбуждает. Да и вам нельзя позволять лениться, коллеги. Вот они – три составные части моей мотивации.

С этими словами Максимов подъехал на стуле к компьютеру, открыл папку «Фигня» в папке «Отстой» (забурили, конспираторы...), отыскал адресную книгу и отстучал фамилию Пантюшин. Последних в гигантском мегаполисе оказалось сорок восемь человек. Из них шестнадцать благополучно проживали на левом берегу.

– Замечательно! – вскричал Максимов. – В этой хваленной краденной программе у половины обитателей города отсутствуют паспортные данные.

– Китайская программа, – пискнула из приемной Любоч-

ка.

– Подумаешь, – фыркнул Олежка Лохматов. – В отделе разрешительной системы Ленинского РОВД компьютерная база – вообще двухтысячного года. И ничего, работают...

– Благодарите бога, что хоть у половины имеются паспортные данные, – загундел Вернер. – Скоро на пластиковые паспорта перейдем – вот тогда и вззоете.

– Ты о чем? – не поняла Екатерина.

– А вы не слышали? – удивился Вернер. – Готовится новый обмен паспортов – на пластиковые карточки. С полной биологией: отпечатки пальцев, фото радужки глаз. Совмещаются с компьютером. Создается офигенная база данных, куда нас всех и запишут.

– А зачем? – не понял Лохматов.

– Нормальный вопрос, Олежек. У меня их накопилась целая туча. За сколько дней до обмена вся эта база данных поступит в свободную продажу? Через сколько дней после обмена появятся «турбюро», где можно будет купить новую карточку – с вашими пальцами, радужкой и на любое имя? Сколько потребуется МВД, ФСБ, ФСО и прочим лавочкам компьютеров, оснастки, периферии и программистов, чтобы хоть как-то проверять предъявляемые документы? Кто помешает этим самым программистам делать маленький бизнес на «изменениях» и «дополнениях» базы? И сколько, наконец, народа не попадет на поезда, пароходы и самолеты только лишь из-за того, что компьютеры железнодорожных,

авиационных и пароходных касс глючат и сбоят?..

– Могли бы татуировками обойтись, – ухмыльнулся Максимов. – Нас уже столько раз пересчитывали...

Фото женщины на фотографиях Пантюшина здорово притягивало. Максимов вновь подвинул к себе снимки и начал внимательно изучать изображение. Фотографом Пантюшин, возможно, был и неплохим, но неподвижные объекты – в данном случае елочка – у него выходили лучше. Женщина расплывалась. Сказать о ней можно было лишь немного. Она не старая – возможно, тридцать с гаком. Больная – или жизнь не балует. Небогатая – или сознательно доводит себя до истощения, а в качестве усиления страдания рядится в некрасивые балахонистые одежды. Следит за собой из рук вон плохо...

– Соображения, коллеги, – Максимов бросил снимки на край стола. Закурил и выжидающе уставился на сотрудников.

– Обрати внимание на фрагмент резной ограды. Уголок афишной тумбы, край плаката с буквами «Я» и «мягкий знак». Обрывок аварийного здания, которое не побоюсь назвать театром Музыкальной комедии. В нем вчера давали «Летучую мышь», – заявила ни разу не замеченная в театральных пристрастиях Екатерина.

– Там всегда дают «Летучую мышь», – пробурчал Олежка.

– Неправда, – встрепенулся Вернер. – Могут в качестве разнообразия запустить «Сильву». Или «Женитьбу Бальза-

минова». Или «Веселую вдову» Легара. Но ассортимент не блещет – тут Лохматик прав.

Екатерина терпеливо переждала.

– Можем сделать вывод, что снимки произведены в Центральном парке. За спиной фотографа – кафе, аттракционы и прочие увеселительные заведения.

– Я скажу вам больше, коллеги, – не без гордости заявил Вернер. – Если речь идет о трех последних днях, что, кстати, косвенно явствует из бормотания Пантюшина, то снимок могли сделать только вчера, в понедельник: обратите внимание на белые облачка. А до этого погода несколько дней отличалась редкой безоблачностью. Тень от дерева – небольшая. Стоит предположить, что дело происходило в районе полудня. Есть вопросы, командир?

– Вот и флаг тебе в руки, – обрадовался Максимов. – Дуй в Центральный парк и принеси мне информацию. Два часа.

– Хорошо, командир, – покладисто согласился Вернер, сообразив, что Центральный парк – не самое позорное место для работы.

– Только не вздумай налегать на мороженое и женщин, – строго предупредил начальник. – Вот кончишь дело – тогда и гуляй смело.

Спровадив Вернера, Максимов позвонил Шевелеву в ГУ-ВД и по старой дружбе попросил выяснить, не объявлялся ли прошедшей ночью в городе труп по фамилии Пантюшин. Нет, сообщили по прошествии времени работники полиции,

труп по фамилии Пантюшин в городе не объявлялся, однако может объявиться труп по фамилии Максимов – если не перестанет лезть в чужие дела и отвлекать работников от важных дел.

Последнее стало своего рода ритуалом.

– А ведь этот заморыш, помимо собственной, упоминал еще одну фамилию, – задумчиво поведал Олежка. – Помните эту странную фразу: «Не верите мне, спросите... имярека, он подтвердит»?

– Точно, – воскликнул Максимов. – А какая фамилия у этого... имярека?

– А я откуда знаю, – фыркнула Екатерина. – И не смотри на меня в упор, у меня память птичья.

– А как бы вспомнить?

– А мы не знаем, – развела руками Екатерина.

– Связанное с «Милки-вэем», точно, – поскреб макушку Лохматов. – Я подумал еще тогда: фамилия напрямую связана с шоколадным батончиком «Милки-вэй»... Надо же, не помню.

– А что такое «Милки-вэй»? – тупо спросила Екатерина.

– «Молочный пудинг», – блеснул Максимов.

– «Млечный путь», – поправил Лохматов.

– Боже мой, какая дикая необразованность! – патетично воскликнула приемная. – Эх, вы, горе-сыщики! В одно ухо влетает, в другое вылетает! Млечников! Анатолий Павлович Млечников! Уйду я от вас! Безнадежные вы!

– Любочка! – восторженно завыл Лохматов. – Ты гений!

Это потрясающе!

– Да-да, – плотоядно заулыбался Максимов. – Давно пора Екатерину переводить в секретари, а секретари...

– В Екатерины! – загоготал Лохматов. – А что, Константин Андреевич, это прекрасная идея. Как в «Граде обреченном» у Стругацких, помните? Сегодня он мусорщик, завтра солдат, послезавтра президент. А вот вас на пару дней можно назначить Вернером, мне кажется, Вернер не станет возражать...

Как выявила дальнейшая проверка, в городе проживали два Анатолия Павловича Млечникова, один из них оказался грудным младенцем, а другой – достаточно взрослым тридцатисемилетним мужчиной – директором частной фирмы «Металлик» по продаже инструмента и каких-то современных технических железок. «Очень странно это, – озадачился Лохматов. – Информация о фигуранте достаточно полная. Не поленились эфэсбэшники. А зачем им это, собственно, надо?» И тут же кинулся в Интернет, выкопал рекламную информацию по фирме «Металлик» и торжественно вручил Максимову распечатку. Фирма занималась продажей всевозможных чудес света: от банальных дюбелей и шурупов – до модифицированных мини-тракторов. Эти смешные машинки производили в Омске специально для страны Ким Чен Ира (ступеньки пониже, второе сиденье в кабине – для про-

веряющего), да, видимо, хватило лишку и произвели больше, чем в Корее трактористов. А располагалась фирма всего лишь в нескольких кварталах от агентства «Профиль». «Грешно не наведаться», – выразил общее мнение Максимов.

Реальность оказалась много проще. Рекламный проспект, мягко говоря, не соответствовал истине. Иными словами, господин Млечников в этой жизни не благоденствовал. Но и не собирался завтра загнуться. Магазин «Металлик» располагался на втором этаже большого кирпичного здания – над кондитерской лавочкой, мебельным и косметическим салонами («Грильяж, трельяж и макияж», – прокомментировал Лохматов) и ниже заведения «оздоровительного массажа» с чарующим названием «Лунное сияние» («Любой каприз за ваши деньги», – прокомментировала Екатерина). О том, что в этой жизни хозяин магазина не всегда был бедным, сообщила отделка витрин (большинство из которых пустовало) и помпезный памятник «неизвестной» фрезе – диаметром не менее двух метров – застывший посреди торгового зала.

В отделе крепежа и мелкой слесарной оснастки отиралась пара покупателей. В других отделах даже продавцов не было. Екатерина засмотрелась на скучающего охранника, Лохматов втихомолку хихикал, разглядывая витрины (еще бы не хихикать: фирма «OSRAM» производит светильники, немецкий «PERDUR» – всевозможные сверла). Максимов деликатно подтолкнул Екатерину к охраннику.

– Сходи-ка, проясни, где директор и как к нему без шума подобраться.

Ждать пришлось довольно долго. О каких дрелях и отвертках беседовали охранник с Екатериной, осталось в тумане. Спустя убийственную вечность, после обмена телефонами, пылающими улыбками и негромкими, но страстными словами, Екатерина наконец подала знак. Подтянутый охранник, поедая ее глазами, машинально подвинулся. Образовался узкий коридор в служебные помещения.

В директорской камерке за портретами мотоблоков и пил «Сандвик» сидел круглолицый человек в костюме, с бледными завитушками на лысине, потел и всем своим видом выражал цитату из Достоевского: «Живу, как желудь – не знаю, какая свинья съест». А если посмотреть абстрактно, он здорово напоминал хомяка с грыжами обеих щек.

– Анатолий Павлович? – вежливо осведомился Максимов.

Директор напрягся.

– Как вы сюда попали? Почему без разрешения?

– Позывные забыли, – объяснил Лохматов.

Максимов критически обзрел кабинетик. Не всякая бедность – форма высокоорганизованной материи.

– Позвольте... – совершенно запутался директор. – Вы оптовики? Но я сегодня никого не жду, меня не предупреждали, у меня денег нет... Вы из полиции? – последние слова дались с невероятным трудом.

– Успокойтесь, Анатолий Павлович. – благодушно улыбнулся Максимов. – Не думаю, что вами заинтересуется полиция или, скажем, налоговое ведомство. Бедненько живете. Как же вышло так, Анатолий Павлович? Люди в вашем возрасте «Челси» покупают... Извините за невольную шутку – мы частные детективы.

Предъявив лицензию, он аккуратно сложил ее (кормилицу) и убрал в портмоне. Директор «Металлика» взорвался:

– Да что вы тут комедию ломаете? Вас никто не звал – извольте убраться!

По переносице господина Млечникова стекала жирная струйка пота. Не дожидаясь, пока она превратится в увесистую каплю на носу, Максимов скромно поинтересовался:

– Вам что-нибудь известно о человеке по фамилии Пантюшин?

Млечников пытался совладать с прогрессирующей трясучкой.

– Ничего не известно. – Он резко махнул головой – капля сорвалась от носа и взорвалась на столе. Лохматов машинально попятился.

– Странно, – удивился Максимов. – А ему о вас известно. А знакома ли вам женщина... – Максимов чуть помедлил и довольно приблизительно описал особу, руководящую налетом на агентство. При первых же словах Млечников втянул голову в плечи и уже не вытягивал. Физиономия покрывалась серыми пятнами.

– Уходите немедленно... – пролепетал он. – Иначе я вызову охрану...

Максимов не стал огорчать бедолагу известием, что с охраной уже налажено тесное взаимовыгодное сотрудничество.

– Очень жаль, Анатолий Павлович, а мы могли бы вам помочь. – С любезной улыбкой он раскланялся. – Ну что ж, до новых встреч. Надеюсь, в следующий раз вы не будете трястись от ужаса. Пойдемте, коллеги, что-то душно становится в этой клетушке...

– Постойте, – решил Млечников. Видно, страх остаться одному задавил прочие страхи. – Вы ведь частные детективы, верно?

– А как вы догадались? – изумился Максимов.

– Кончайте издеваться, – Млечников судорожно поморщился. – Вы не могли бы... выполнить для меня одну работу?

– Могли бы, – гордо сказал Лохматов. – Но мы не помогаем бедным. Для этого существуют благотворительные фонды и районные отделы социального обеспечения. Обратитесь туда.

– Я могу заплатить... – Хомяк с отвислыми щеками внезапно позеленел. – Полторы... нет, две тысячи долларов вас устроят?

Максимов соорудил на лице брезгливость – дескать, видали суммы и покрупнее. Но, в принципе, вера в чудотвор-

ный лик Бенджамина Франклина, невзирая на некоторую неустойчивость последнего, непоколебима. Он замялся на пороге.

– Слушаю вас, Анатолий Павлович.

– Я хочу, чтобы вы нашли мне одну женщину... – Млечников суетливо затискал ручонки. Затем он расстегнул помятый пиджак и вытянул из внутреннего кармана рваное фото. Вернее, огрызок фото. – Возьмите, – протянул Максимо-ву. – Вы должны вычислить ее местонахождение, доложить и забыть. Никаких вопросов. Никакого копания в прошлом. Только местонахождение. Докладить и забыть. За две тысячи долларов.

Он видел, как Олежка с Екатериной украдкой ухмыляются. За ту же самую работу Пантюшин предлагал девять тысяч «деревянных». Ощутимый прогресс.

А работа действительно была аналогичная. С огрызка фото на озадаченных детективов смотрела улыбающаяся женщина. От мужчины, к которому она доверчиво льнула, осталось лишь плечо. Остальное безжалостно оторвали. У женщины роскошные выющиеся волосы, ямочки на щеках, придающие овальному загорелому личику невыносимую притягательность. Серые глаза, смотрящие с лукавинкой, губки – чуть припухшие, разомкнутые – словно собиралась что-то сказать, но до окончания работы фотографа решила повременить.

Безусловно, это была одна женщина. Еще не повзрослев-

шая, не избитая жизнью, не измученная худобой и безденежьем. Потрясающая фотогеничность. За спиной женщины просматривался фрагмент арки из одной комнаты в другую. Отделка темным деревом позволяла предположить, что обстановка в квартире достаточно солидная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.